

Арне НИЛЬСЕН*Пер. Е. ШКОЛЬНИКА***МОЙ СОСЕД**

Там, в соседней квартире, жил этот тип, чей телефон вот уже неделями звонил всегда между тремя и четырьмя часами утра. Вскоре я к этим звонкам привык настолько, что просыпался заранее. И просто лежал и ждал звонка. Но если его не было до половины четвёртого, я становился нетерпеливым. Раньше или позже звонок всё же раздавался непременно. Это замечательно, когда ожидание сбывается.

Разумеется, было немного не по себе в три часа утра лежать в постели без сна. Мир в это время совсем другой, чем обычно. Мой сосед всегда поднимал трубку после четвёртого звонка, и тогда я слышал его приглушённый голос: » Ну, всё отключили? «. Прежде, чем произносилось «отключили» возникала короткая пауза, а потом разговор обрывался. Каждую ночь одинаковая игра: сквозь тонкие стены, которые нас разделяли, слышал я указания моего соседа об отключении. Когда я заметил, что разговор протекает каждый раз в одинаковом ключе, то задумался: что это значит - всё отключить.

Однажды ночью я схватил трубку и набрал номер соседа. И в этот раз, как и прежде, он взял трубку после четвёртого звонка.

«Вы сегодня раньше», — сказал он, и его голос при этом звучал очень бодро.

Мне пришло в голову, что после его заселения в квартиру, я не общался с ним ни единым словом. Я сказал: «отключить», ничего другого не смог придумать. На другом конце провода возникла тишина, и я повторил слово «отключить». В ответ он прорычал «Порядок» и положил трубку.

Спустя восемь минут раздался стук в мою дверь. Эти восемь минут я был счастлив. В течение восьми минут я видел окружавшие меня предметы заново, словно я попал в свою квартиру в первый раз. Я начал измерять помещение, в котором я находился днём и ночью. Я прикинул расстояние от моей кровати до кухни, и от неё до ванной комнаты. Я подумал и высоте потолка, при этом мне показалось, что тёмные пятна, появившиеся на нём вчера вечером, бесследно исчезли. Я отчётливо видел, и как пустой подоконник выдавался в помещение, и полуоткрытую дверь в ванную комнату. Никогда раньше не воспринимал я так выпукло окружавшие меня вещи. Мои руки пахли пережаренным маслом и мылом, и я ощущал дыру в моём матрасе. Около кровати я смог различить в темноте мои сапоги, лежавшую на батарее майку. Я осторожно коснулся руками щёк.

В этот момент раздался стук в дверь, три раза, ритмично, словно выстукивали специальный код. Через дверной зрачок я увидел мужчину в белом пальто и в высокой остроконечной шляпе на голове. Сперва я предусмотрительно обратился к своему ночному гостю через почтовую щель в двери.

«Что Вам угодно?», спросил я строго, но вежливо.

«Немного общения»,— ответил мужчина, при этом он разводил руками, как пингвин. Его жесты обезоруживали, и я открыл дверь. Мужчина вошёл, пересёк уверенно квартиру и уселся на мою кровать.

Это был мой сосед. У него было маленькое, гладкое лицо, и его глаза засияли, когда я сел рядом.

После долгой паузы он прошептал: «Мне никто не нравится, я просто никого не люблю»,

Я долго не отвечал. Потом сказал ему, что его, так сказать, политические взгляды меня не касаются, но мне было бы интересно узнать, всё ли уже отключили. Однако он проигнорировал мой вопрос, и стал рассказывать свою историю.

До недавнего времени мой сосед со своей женой и двумя детьми жил в доме на окраине города. Это был, так называемый, двухэтажный дом на две семьи с подвальными помещениями. Однажды он заметил, что они не являются счастливой семьёй. Каждый добывал своё счастье на стороне, а в их семейной жизни преобладало нечто случайное, искусственное.

Когда он это понял, он начал сомневаться в любви его жены и детей. Он также перестал понимать, любит ли он сам свою семью, всё чаще он воспринимал их чужими. Наблюдая их за общим ужином, он убеждался, что всё что они говорили, могло быть также сказано и посторонними людьми. Они растворялись в своей пустой болтовне и словно исчезали для него.

Однажды зимним утром, вскоре после возникших у него сомнений, его сын бросился под поезд. Была прекрасная погода, он направлялся на работу, когда по радио сообщили о смерти его сына. Они не назвали никакого имени, но он понял сразу, кто был самоубийца. Несмотря на это он доехал до работы, это была пятница и в столовой кормили рыбой. Кроме того он помнил, что у него в тот день накопилось много пред рождественских дел.

На следующей неделе его часто на фирме расспрашивали о сыне. Он отвечал, что в праздники он будет скорбеть, а после Нового года впряжётся в работу опять с полной нагрузкой. Жена и дочь скорбели о его сыне тоже довольно сдержанно. Нельзя было не заметить, что в семье не очень-то любили сына. Новый год они встретили спокойно. В феврале у его жены обнаружили рак груди, и они с сожалением должны были отказаться от запланированного зимнего отпуска в Санкт Пёлтене.

Из-за своей болезни жена стала вести себя в последующие месяцы подобно недотроге, что подавляло его желания. Жена наслаждалась приобретёнными, благодаря болезни, привилегиями, и, если бы не бесследное исчезновение в конце марта его дочери, она, без сомнения, доставила бы ему много серьёзных проблем.

Весну они встретили вдвоём. Он и его жена, потерявшая после операции одну грудь, были опять только вдвоём. Казалось, их прежняя любовь расцвела вновь. Без детей у них вдруг появилось много времени для себя. За обедом они как прежде пили вино, впервые за много лет они пошли в кино, планировали путешествие в Клагенфурт и даже заказали зимний сад. Однажды он предложил своей жене купить собаку, но жена никакой собаки не хотела. Часто вечерами сживали они, держась за руки, на террасе за стаканом шерри и наслаждались тишиной. «Судьба благоволит к нам», — говорил он своей жене, носившую новую причёску, и охотно ласкал её оставшуюся грудь. Накануне запланированного путешествия в Клагенфурт жена умерла, и он подумал, что и сам болен раком яичек.

Когда он закончил, наступила гнетущая тишина. Потом он меня спросил, не мог бы я проверить его яички. Внутри должно отчётливо ощущаться нечто твёрдое, иногда ему удавалось самому это почувствовать. К моему собственному удивлению, я сказал, что готов это сделать.

Я опустился на колени и взял в руку яички моего соседа. Они были тяжёлые, одно свисало ниже другого. Его пенис был весь в жилах, но оставался спящим, когда я начал его ощупывать. Маленький острый предмет в его левом яичке я ощутил сразу.

«Там что-то есть внутри, правда?»,— спросил мой сосед.

«Да, что-то определённо там есть»,— ответил я.

«Это моя беда»,— сказал он и снова застегнул свои штаны. Всё его лицо светилось, и я понял, что наш совместный вечер окончился.

Он получил то, что хотел.